

ТРАДИЦИОННЫЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СООБЩЕСТВА В СОВЕТСКОМ КИНО: «ОХОТА И ОЛЕНЕВОДСТВО В ОБЛАСТИ КОМИ»

Головнев Иван Андреевич,

*кандидат исторических наук, научный сотрудник
отдела проектных исследований*

*ФГБУН «Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН»
(г. Санкт-Петербург, РФ), golovnev.ivan@gmail.com*

Введение. Визуально-антропологические опыты в России имеют более чем вековую историю, отразившуюся в корпусе советских этнографических фильмов 1920 – 1930-х гг. Данная статья, основанная на текстовых и визуальных материалах, задается целью введения в научный оборот информации об этнофильме «Охота и оленеводство в области Коми» (1927) как многослойного визуально-антропологического документа. В задачи работы входит рассмотрение особенностей киноповествования об эволюции в среде охотников и оленеводов Коми в период культурных и экономических преобразований в СССР во второй половине 1920-х гг. в контексте специфики советского кинопроизводства.

Материалы и методы. В силу специфики немого кино итоговый фильм «Охота и оленеводство в области Коми» представляет собой своеобразный кинотекст, состоящий из примерно равнозначного количества перемежающихся в повествовании кинокадров и текстовых титров. А потому методом анализа фильма как визуально-текстового произведения явилась его исследовательская расшифровка – представление в виде кинотекста.

Результаты исследования и их обсуждение. Проанализировав архивные данные и изданные свидетельства современников, мы проследили эволюцию кинопроекта в связи с параллельными процессами в государственной национально-культурной политике и в этнографической науке.

Заключение. Исходя из рассмотрения фильма в социально-историческом контексте, нами сделаны выводы о феномене этнографического фильма как эффективной форме исследовательского познания, позволяющей зафиксировать культуры снимаемого и снимающего и транслировать во времени не только фактические события, но и их столь важный для антропологического изучения образно-эмоциональный контекст, а также о потенциале кино как информативном историческом источнике.

Ключевые слова: этнографическое кино; визуальная антропология; Коми; СССР.

Благодарность: Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-09-00076 «Традиционные этнокультурные сообщества Севера в этнографическом кино».

Для цитирования: Головнев И. А. Традиционные этнокультурные сообщества в советском кино: «Охота и оленеводство в области Коми» // Финно-угорский мир. 2019. № 2. С. 23–31.

Введение

В современной антропологии происходят активные методологические поиски, развиваются новые исследовательские направления и формы презентации научного знания. В этом ряду особую нишу занимает визуальная антропология – изучение широкого спектра изобразительных источников культурной информации. Наиболее значимое место в предметной области этого направления отведено антропологическому/этнографическому кино, обладающему характеристиками комплексного исследовательского документа. Примером тому может

служить существенный корпус документальных этнофильмов, созданных в советский период.

Материалы, составившие основу фильма «Охота и оленеводство в области Коми», снимались для беспрецедентно масштабного кинопроекта «Шестая часть мира» (1926) под режиссерским руководством титульной персоны в советской кинодокументалистике – Дзиги Вертова. Первоначально фильм, заказанный «Госторгом», задумывался как агитационно-рекламное повествование о системе государственной торговли в СССР – для

презентаций внутри страны и за ее пределами. В рамках кинопроекта предполагались лишь эпизодические съемки этнографического содержания: «Тайга, звери, охота за разными зверьми у разных народностей (зима и лето одновременно)»¹. В дальнейшем замысел существенно скорректировался – в направлении расширения темы многонациональности в будущем фильме: ведущие операторы советского кино были направлены в киноэкспедиции в различные труднодоступные уголки Советского Союза с задачей снять максимально подробные киноматериалы, характеризовавшие полноценный годовой хозяйственный цикл в том или ином этническом сообществе. В результате рекордного для советского кино географического охвата работ было снято столь объемное количество этнографических сюжетов, что их оказалось вполне достаточно для создания самостоятельной киноработы по каждой из выбранных народностей. Из исходных 26 тыс. метров пленки в итоговый фильм «Шестая часть мира» было включено лишь около 1 тыс., а на основе незадействованных киноматериалов в 1926–1927 гг. было создано несколько отдельных этнографических фильмов. Так, материалы оператора Я. М. Толчана легли в основу двух фильмов – «Жизнь нацменьшинств» и «Бухара»; из съемок оператора П. П. Зотова и Е. И. Свиловой был сделан фильм «Тунгусы»; кинокадры И. И. Беякова и А. Г. Лемберга вошли в кинозариловку «Самоеды»; а из материалов, сня-

тых операторами С. А. Бендерским² и Н. К. Юдиным³, был смонтирован этнофильм «Охота и оленеводство в области Коми». Бендерский и Юдин имели разносторонний опыт в профессии и по праву входили в число ведущих операторов советского кино, не случайно включенных Вертовым в команду кинопроекта «Шестая часть мира»⁴.

Агенты-операторы Вертова были распределены в различные области страны, где функционировали отделения «Госторга». При этом важную роль играла самобытность каждой из выбранных съемочных локаций, поскольку в сценарные планы режиссера входили задачи максимально полного представления картин национального многообразия огромной страны и монтажного конструирования из них пестрого образа единого и дружного Союза. Кроме того, учитывалось наличие возможной консультационной исследовательской поддержки на местах съемки.

В области Коми в организации масштабных этнографических исследований в тот период значительно помогло Общество изучения Коми края. Оно было учреждено в г. Усть-Сысольске в 1922 г., а в 1925 г. состоялась I областная краеведческая конференция, где были избрано областное бюро и разработан устав общества, согласно которому его основными целями объявлялись пропаганда идей краеведения и объединение научных работников, энтузиастов, краеведов в работе по изучению родного края⁵. В середине

¹ Вертов Д. Из наследия. Москва, 2004. Т. 1. С. 105.

² Бендерский Самуил Александрович (1879 – середина 1960-х гг.) – оператор документального, художественного и анимационного кино – начал творческую деятельность в 1915 г. в качестве оператора двухсерийного художественного фильма «Приваловские миллионы» (режиссер В. Р. Гардин). Фильм по роману Д. Н. Мамина-Сибиряка снимался в экспедициях – в натуральных локациях, в естественных интерьерах заводской и приисковой среды – в г. Березовском, на урочище «Каменные палатки», в усадьбе Харитоновых-Расторгуевых в г. Екатеринбурге и т. д. В числе его операторских работ художественный фильм В. Э. Мейерхольда «Сильный человек» (1916), «Девьи горы» (1919) режиссеров Ю. А. Желябужского и А. А. Санина. В качестве оператора-постановщика работал совместно с женой М. Бендерской над мультипликационными фильмами («Мойдодыр», «Приключения Болвашки» и др.). В 1927 г. он снял документальный этнографический фильм «Калмыки».

³ Юдин Николай Константинович (1895 – 1937) – оператор документального и художественного кино. Брат известного советского кинорежиссера К. К. Юдина («Девушка с характером», «Сердца четырех» и др.). В числе его операторских работ – документальные экспедиционные фильмы «Иваново-Вознесенск» (1927), «По реке Кубани» (1929), «Адыгея» (1930), а также художественные фильмы «Золотое руно» (1927) режиссера Б. Ф. Светозарова, «Манометр-1» (1930) режиссера А. М. Роома, «Дурень, ты! Дурень!» (1931) режиссера А. И. Медведкина и др.

⁴ См.: Жизнь в кино: ветераны о себе и о своих товарищах. Москва, 1986. С. 138.

⁵ Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-710. Оп. 1. Д. 76.

1920-х гг. Общество активно стимулировало развитие краеведческого движения в регионе, организовывало исследовательские экспедиции, разрабатывало специальные методические программы и осуществляло смежную консультационную работу [8, 348].

Обзор литературы

Несмотря на наличие в архивах многих из этнографических киноработ, запечатлевших уникальные образы культурной эволюции разных этнических сообществ [3], они до сих пор не получили должного освещения в научном поле. Данная статья посвящена историко-антропологическому анализу документального этнографического фильма «Охота и оленеводство в области Коми» и направлена на развитие актуального, широко развитого на Западе [10–14], но скромно представленного в российской историографии [1; 4; 15] направления визуальной антропологии, и в частности – исследований визуально-антропологических опытов в СССР.

Обозревая работы, посвященные этнографии охотников и оленеводов Коми, необходимо сделать следующие акценты. Во-многом благодаря деятельности Общества изучения Коми края в середине 1920-х гг. регион был полем разносторонних исследовательских практик как для местных краеведов, так и для приезжих ученых. Так, исследователь А. И. Бабушкин совершал экспедиции в Большеземельскую тундру в 1925–1927 гг. в связи с проведением первой приполярной переписи – материалы этой экспедиции к кочевникам-олeneводам он обобщил в своей монографии [2]. Г. А. Старцев, получивший образование в г. Ленинграде, занимался полевыми исследованиями как традиционной культуры Коми, так и нововведений, связанных с процессами советизации края [7]. Широкий спектр материалов по этнографии Коми и других финно-угорских народов, включая полевые изыскания в области быта охотников края, нашел отражение в исследовательских публикациях С. И. Сергея [6 и др.].

Работы по этнографии Коми представляют для нас особый интерес, поскольку были опубликованы в период создания фильма «Охота и оленеводство в области Коми», а потому вполне могли служить научными ориентирами для кинематографистов. Так как кинокартина «Охота и оленеводство в области Коми»⁶ в силу специфики немого кино представляет собой сочетание кинокадров и текстовых титров, то эффективным средством его изучения выступает исследовательская «расшифровка» – перевод в форму кинопленки. Ниже мы приводим содержание титров (как в фильме – ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ), кадров фильма (обычным шрифтом), и соответствующих тематических выдержек из научных публикаций (*курсивом*) с целью последующего формирования исследовательских выводов.

Рис 1. Кадр из фильма «Охота и оленеводство в области Коми»

Fig. 1. Shot from the film “Hunting and Reindeer Breeding in the Komi Region”

Результаты исследования и их обсуждение

Контурная географическая карта с обозначением автономной области Коми.

КОМИ-ОХОТНИКИ.

ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ КОМИ ВЫХОДЯТ ИЗ СЕЛЕНИЯ НА ОХОТУ.

Сборы двух охотников коми на охоту. Охотники проходят по окраине селения, панорама дома. Начало охоты в лесу.

⁶ Российский государственный архив кинофотодокументов. Фонд кинодокументов. Учетный № 2729.

«На Верхней Выгегде, на Ижме и Печоре с их притоками значительная, иногда главная часть дохода в крестьянском хозяйстве получается от охоты и рыболовства. Каждый охотник имеет свой охотничий участок, в пределах которого и работает. Заход в чужой участок воспрещается. Каждый охотник имеет охотничью избушку. В ней он живет, примерно, с конца августа по конец января, когда приезжает домой поспрашивать, и затем с января – до конца зимы. Зыряне охотно уходят в свои избушки. Они любят охоту – это их старинный, дедовский промысел, и охотничья жизнь является для них работой по призванию» [6, 38].

ЗАРЯДКА КРЕМНЕВОГО РУЖЬЯ.

Охотник заряжает кремневое ружье, идет через лес. Лесная изба, из нее выходят охотники.

НОЧЕВКА В ЛЕСУ.

Охотники в лесу.

В КОНЦЕ ЗИМЫ ОХОТНИКИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ С ДОБЫЧЕЙ В СЕЛЕНИЕ.

По лесу идут охотники с трофеями. Общий план селения. Охотники приходят к дому, привозят сани с добытыми на охоте трофеями. Женщины выходят навстречу, окружают сани.

КОМИ-ОЛЕНЕВОДЫ.

Семья на стойбище. Устанавливают остов чума. Рядом пасутся олени. Остов чума покрывают оленьими шкурами. Вид стойбища с готовым чумом. Рядом – мужчины и женщины, занятые домашним хозяйством.

«Местом относительной оседлости кочевников необходимо считать их зимние стойбища, где они подводят свой баланс хозяйственного года и подготавливаются к новому хозяйственному году. Оленеводы имеют правильное кочевание, по одним и тем же путям и урочищам, придерживаясь определенных районов, направлений. У оленеводческих хозяйств выбор путей и стойбищ зависит от необходимости сохранения оленьих стад. У промысловых хозяйств – в зависимости

от выбора промысловых мест (на песца, рыбу, морского зверя)» [2, 7].

ОХОТА НА БЕЛКУ.

Охота на белку в лесу.

ШКУРКА СДИРАЕТСЯ.

Охотник снимает с добытой белки шкурку.

ЗАСЕЧКИ НА ДЕРЕВЕ, УКАЗЫВАЮЩИЕ ПУТЬ К ОХОТНИЧЬЕЙ ХИЖИНЕ.

Ствол дерева с засечками.

БАНЬКА – ЖИЛИЩЕ ОХОТНИКА В ТАЙГЕ.

Внешний вид охотничьего жилища, охотники подходят к нему. Охотник развешивает шкурки добытых зверей. Охотники отдыхают.

«Во всех строениях бросалось в глаза отсутствие гвоздей. Части построек скреплялись и связывались одна с другою при помощи разного рода колец из древесного же материала, путем особой кладки, применением желобов да с использованием силы тяжести» [6, 46].

В КОНЦЕ ЗИМЫ

КОМИ ВЕЗУТ ПУШНИНУ И ДИЧЬ ДЛЯ ПРОДАЖИ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ЗАГОТОВИТЕЛЬНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ.

«Красный» обоз коми-охотников направляется на заготовительный пункт. Обоз прибывает в селение, подъезжает к заготовительному пункту. Масса дичи, привезенной на заготовительный пункт.

«Комигосторг является в тундре основной торговой организацией. Основная система успешной торговли в тундре – это торговля в кредит. Работа в кредит в тундровых условиях является неизбежной, укоренившейся системой. Без дачи в кредит ни один кочевник не может снабдить себя завозными товарами, а также и торговая организация реализовать свои товары» [2, 12].

На стойбище женщины готовят еду. Группа детей рядом. Семья за обедом.

Чум на стойбище, из него выходят оленеводы. Неподалеку пасутся олени.

НА ОХОТУ В ТУНДРУ.

Охотники уходят в тундру.

УСТАНОВКА СИЛКА
ДЛЯ ПОЛЯРНЫХ КУРОПАТОК.

Охотник настораживает силок на куро-патку. Охотник идет по снежному полю. Куропатка попадает в силок.

КАПКАН ДЛЯ ПЕСЦОВ.

Охотник устанавливает капкан, идет по снежной тундре на лыжах. Охотник с добычей приходит к чуму, ему навстречу выходят члены семьи, окружают его, рассматривают добытых песцов.

ГОЛУБОЙ ПЕСЕЦ.

Добытые песцы. Семья около чума. Охотник снимает шкурку с добытого песца.

А. И. Бабушкин в своих полевых наблюдениях отмечал хищническое истребление песцового молодняка, что ставило под угрозу сохранение основных запасов объектов охотничьего промысла: *«Около каждого чума можно встретить на привязи около 10 – 20 норников – песцовых щенят. Норники вылавливаются капканами или чего проще – норы разрываются, и щенята из них выбираются, большинство ручных норников умирает не вырастая до зрелого возраста и этим не дает большого экономического эффекта»* [2, 15].

ЛОВЛЯ ОЛЕНЯ ДЛЯ УПРЯЖИ.

Оленевод в стаде с арканом ловит оленя.

Вид склада для пушнины.

ГОЛУБОЙ И БЕЛЫЙ ПЕСЕЦ.

Группа людей рассматривает шкурки.

ШКОЛА ПЕРВОЙ СТУПЕНИ.

На площади селения – группа детей школьного возраста.

Согласно исследовательским материалам, в области после революции функционировали 164 школы I ступени (более 10 000 учащихся), 5 школ II ступени, 8 семилеток, 9 детдомов, 5 детсадов и 1 специальная детская колония на 500 детей [5, 14]. В 1926 г. в области Коми насчитывалось 550 пионеров, существовал даже специальный детский городок на месте бывшего женского монастыря, куда собирались дети со всех концов области. Здесь

можно было услышать песни-речевки следующего содержания:

*«Долой, долой монахов,
Долой, долой попов.
Мы на небо залезем,
Разгоним всех богов»* [7, 175].

ПРАЗДНОВАНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ В СЕЛЕ ТУРЬЕ.

Демонстрация в селении. Группа людей с транспарантами.

Г. А. Старцев писал о конфликте идеологий поколений – отцов и детей, старого и нового в среде Коми – старики исповедовали патриархальные взгляды, а молодежь – «уверовала» в советскую власть: *«Среди молодежи, в частности, среди комсомольцев-зырян, большая тяга к учебе, к знанию. Но самое важное для нас – это правильное понимание заветов Октября и заветов Ленина»* [7, 176].

Панорама селения на берегу реки. Двое мужчин собираются в дорогу на берегу. Плывают на лодке.

В ТАЙГЕ.

Охотники в тайге.

ОТМЕЧАЮТ ПУТЬ ЗАТЕСАМИ.

Охотник делает затесы на стволе дерева.

ОХОТА НА БЕЛКУ.

Охота на белку.

УСТАНОВКА СИЛКА ДЛЯ РЯБЧИКОВ.

Охотник настораживает силок на рябчика. Рябчик попадает в западню.

ЛОВУШКА ДЛЯ ТЕТЕРЕВОВ.

Охотник достает из ловушки пойманную дичь.

КАПКАН НА ГОРНОСТАЕВ.

«Кроме ружья в промысле очень широко пользуются разного рода ловушками, силками и западнями. Они расставляют по тропам – “путикам”. Охотник каждый день обходит, зимою на лыжах, все эти снаряды, снимая попавшихся птиц и зверей. Вернувшись вечером домой, он затапливает печь, ставит вариться ужин и принимается за снятие шкурок» [6, 49].

Портрет охотника перед киноаппаратом. Охотник сидит в тайге возле избы.

ЛЕСНАЯ КЛАДОВАЯ ДЛЯ ХРАНЕНИЯ ДОБЫТОЙ ДИЧИ И ПУШНИНЫ.

Охотники складывают трофеи в избу.

Исследователей впечатляли охотничьи практики Коми, основанные на глубоком знании характера и привычек животных, «накопленном, может быть, не в одну тысячу лет, и передаваемом от отца к сыну. Приходится учитывать исключительную чуткость и осторожность животных и превосходить их предусмотрительностью. Если бы можно было собрать все эти знания воедино, то получился бы целый университет опытных наук о природе» [6, 56].

Оленевод тянет оленя на аркане.

ОЛЕНЬИ БЕГА.

Оленьи упряжки. Нарты. Группы оленеводов. Зрители.

«К бегам каждый любитель обучает хорошую упряжь оленей, для выступления в состязаниях. Выбирается жюри, которое после окончания бегов присуждает победившему оленю – звание лучшего бегового оленя. На состязаниях идут беседы о состоянии оленеводства, о хозяйственных планах. Здесь все кочевники встречаются друг с другом и могут разрешать общие вопросы оленеводческого хозяйства. Необходимо широко использовать этот бытовой праздник для культурных и хозяйственных целей» [2, 10].

В СЕРЕДИНЕ ЗИМЫ КОМИ-ОЛЕНЕВОДЫ ПЕРЕЕЗЖАЮТ В ТАЙГУ, КУДА ГОНЯТ ОЛЕНЕЙ ДЛЯ КОРМЛЕНИЯ.

Стадо оленей движется по снежной тундре.

АРГЫШ – ОБОЗ.

По тундре проезжают коми-оленеводы на оленьих упряжках.

А. И. Бабушкин колоритно и емко описывал условный день кочевника: «С рассветом встают женщины и разводят огонь в чуму, чтобы приготовить чай, обед. Холодный чум постепенно окутывается до земли дымом. Но скоро сырой кустарник разгорается ярким огнем – как приятно одеваться и умываться около греющего костра. Сегодня необходимо ям-дать (ехать) дальше, поэтому в чуму на-

чинается раннее чаепитие и обед, после чего все имущество из чума складывается в сани и чум разбирается. Пастух, стережущий ночью стадо, пригоняет оленей к чуму, спешно устраивается корсак (загон), из поставленных в полукруг саней, куда загоняются ездовые олени. Наконец, все олени запряжены, и аргиши (обоз из нескольких саней) двигаются в путь. Идут целый день, делая маленькие остановки в пути для отдыха оленей. Пройдя км 20–30, подыскивается удобное место для остановки, с обильным кормом для оленей. Место найдено, и снова вырастает чум, подвозятся дрова, и начинает готовиться ужин. После ужина один из мужчин, плотно одевшись, идет на ночь караулить стадо, остальные постепенно ложатся спать с тем, чтобы завтра опять двигаться вперед и вперед...» [2, 10].

В ТАЙГЕ.

Вид чума в тайге. Стадо оленей пасется в тайге.

КОНЕЦ.

Рис. 2. Кадр из фильма «Охота и оленеводство в области Коми»

Fig. 2. Shot from the film “Hunting and Reindeer Breeding in the Komi Region”

Снятые на территории области Коми киноматериалы, были сгруппированы в два блока – о традиционном бытовании таежных охотников и кочевых тундровых оленеводов, а в финале фильма демонстрировалась трансформация их образа жизни после советизации края. По аналогичной схеме образов – от темного прошлого к светлому будущему – были организованы материалы, снятые для фильма

«Шестая часть мира» Вертова, и о других этнических сообществах – тунгусах, самоедах, вогулах, народностях Кавказа и Центральной Азии.

Режиссером в титрах фильма «Охота и оленеводство в области Коми» значится С. Лямин. Однако, судя по его несодержательной творческой биографии, не связанной ни с экспедициями, ни с этнографией, для Лямина работа над фильмом «Охота и оленеводство в области Коми» свелась к сугубо технической монтажной сборке материалов Бендерского и Юдина – в тот год (1927) он работал еще над тремя кинокартинами («Крым зовет!», «Конституция СССР», «Праздник труда»). Потому корректнее считать его режиссером монтажа, точнее монтажером, фильма, режиссером же съемочных работ логичнее назвать Вертова.

Вертов подробно инструктировал разосланных по стране операторов, уточняя режиссерские задания в зависимости от хода съемок. В архиве Музея кино сохранилось и письмо Вертова к Бендерскому и Юдину во время их работы в северной киноэкспедиции: «Дорогие товарищи, Бендерский и Юдин! Сейчас, в дни развала культуры кино и переустройства всей нашей работы на новый лад, уголок мира, в котором вы сейчас работаете, кажется тихим оазисом. До вас не доходят сейчас шумы, крики, зависть, возмущение, слезы и радость сокращаемых, переводимых и вновь приглашаемых, застрявших в экспедициях или отправляемых в экспедицию и т. д. Когда оглядываешься кругом и перебираешь в памяти все участки нашего фронта, невольно останавливаешься на вашей суровой киноэкспедиции, чтобы отдохнуть, охладиться, сосредоточиться. Ваши письма, которые вы прислали мне, где вы описываете обстановку вашей жизни, действуют как освежающий холодный душ. Я не помню, чтоб в последнее время я от какого-нибудь прочитанного рассказа испытал больше удовольствия, чем от вашего спокойного изложения фактов. Если то, что вам удастся заснять, будет не менее интересно, чем то, что вы описываете, это “вывезет” сорванные южные экспедиции

и позволит центр тяжести картин в целом перенести на зимний сезон. Очень интересуюсь тем, что уже снято и что вам не удастся снять. Мне это нужно для распределения кусков у себя в голове, и соответствующей доъемки в других местах. Пока, всего хорошего. 10 декабря 1925 года. Дзига Вертов»⁷.

В отличие от популярных в 1920-х гг. во всем мире, включая СССР, кинолент «Нанук с Севера» Р. Флаэрти или «Чанг» Мериан К. Купер и Эрнеста Б. Шодсака, во многом обеспечивших популярность этнографического кино у широкой зрительской аудитории, в фильме «Охота и оленеводство в области Коми» нет ни главного героя, ни постановочности, характерной для документалистики изучаемого периода, сведены к минимуму операторская художественность и сюжетная драматургия. Исходные материалы были сняты операторами в экспедиционных условиях, в реальной этнографической среде оленеводов и охотников Коми. Кроме того, как видно из приведенного кинотекста, монтажный ряд фильма выглядит как формальная организация документальной информации, без применения искусственных монтажных эффектов. В связи с этим данный фильм вполне может рассматриваться как опыт визуальной антропологии, представляющий исследовательский интерес.

33-минутный фильм «Охота и оленеводство в области Коми» был закончен в 1927 г., показывался на различных экранах страны. Его премьера в административном центре Автономной области Коми, г. Усть-Сысольске, состоялась 13 февраля 1929 г. Как и многие другие этнографические фильмы изучаемого периода, его показы, как правило, происходили в формате дополнительного сеанса перед основным фильмом, но можно заключить, что фильм вполне выполнил комплексную задачу. С одной стороны, «Охота и оленеводство в области Коми» является вкладом в науку, будучи одним из самых ранних кинодокументов по этнографии коми-охотни-

⁷ Государственный центральный Музей кино. Ф. 41. Оп. 1. Д. 2218. Л. 14.

ков и оленеводов. С другой – в данной кинокартине просматриваются свидетельства государственной национальной политики, выражавшиеся в запечатленных на пленке мероприятиях, проводимых организациями «Госторга» (создание школ, кооперативов, торгпунктов и т. д.). Не последнюю роль эта работа сыграла и в популяризации науки – ведь этнографические фильмы фабрики «Советкино» активно внедрялись в систему образования, шли в кинотеатральном и киноклубном прокате, а также показывались с помощью кинопередвижек непосредственно в местах съемок [9].

Заключение

Таким образом, визуально-антропологические опыты раннего советского периода в целом, к каковым, в частности, относится и этнографический фильм «Охота и оленеводство в области Коми», представляются интересны в качестве комплексных исторических источников – многослойных кинодо-

Рис. 3. Кадр из фильма «Охота и оленеводство в области Коми»

Fig. 3. Shot from the film “Hunting and Reindeer Breeding in the Komi Region”

кументов времени, а потому заслуживают изучения и введения в широкий научный оборот. Методы производства этнофильмов, заложенные в тот продуктивный для направления период и основанные на соединении ресурсов науки и искусства, вполне применимы для использования в современных исследовательских и кинематографических практиках.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Александров Е. В. Предыстория визуальной антропологии: первая половина XX в. // Этнографическое обозрение. 2014. № 4. С.127 – 140.
2. Бабушкин А. И. Большеземельская тундра: моногр. Сыктывкар: Изд-во Коми Обстатотдела, 1930. 224 с.
3. Головнев И. А. Архивное этнографическое кино как исторический источник // Вестник архивиста. 2018. № 3. С. 693–703.
4. Головнев И. А. Феномен советского этнографического кино (творчество А. А. Литвинова). Москва: ИЭА РАН, 2018. 226 с.
5. Поппе Н. Н., Старцев Г. А. Финно-угорские народы. Ленинград: Коминтерн, 1927. 47 с.
6. Сергель С. И. В зырянском крае. Москва: Красный пролетарий, 1928. 80 с.
7. Старцев Г. А. Комсомол области Коми // Комсомол в деревне. Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1926. 203 с.
8. Терьюков А. И. История этнографического изучения народов коми. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2011. 514 с.
9. Шнейдеров В. А. Советский экран и народы Севера // Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. Москва: Наука, 1971. С. 188–199.
10. Gardner R. The impulse to preserve: reflections of a filmmaker. New York: Other Press, 2006. 372 p.
11. Heider K. Ethnographic film. University of Texas Press, 2006. 161 p.
12. MacDougall D. The corporeal image: film, ethnography and the senses. Princeton University Press, 2006. 312 p.
13. Rouch J. Cine-ethnography. University of Minnesota Press, 2003. 400 p.
14. Ruby J. Picturing culture: exploration of the film and anthropology. University of Chicago Press, 2000. 339 p.
15. Sarkisova O. Screening Soviet Nationalities: Kulturfilms from the Far North to Central Asia. New York: I. B. Tauris, 2017. 229 p.

Поступила 26.03.2019, опубликована 18.09.2019

TRADITIONAL ETHNOCULTURAL COMMUNITIES IN SOVIET CINEMA: «HUNTING AND REINDEER BREEDING IN THE KOMI REGION»

Ivan A. Golovnev,

Candidate Sc. {History}, Research Fellow,
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
of Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia), golovnev.ivan@gmail.com

Introduction. Visually-anthropological experiments in Russia have more than a century of history, reflected, in particular, in the corpora of Soviet ethnographic films in the 1920s – 1930s. This article, based on textual and visual materials, introduces information about the ethno-film «Hunting and Reindeer Breeding in the Komi Region» (1927) as a multi-layered visual-anthropological document. The paper considers the specific features of film history on the evolution among Komi hunters and reindeer herders during the period of cultural and economic transformations in the USSR in the second half of the 1920s, created in the mentioned film, in the context of the Soviet film production.

Materials and Methods. Due to the specifics of silent cinema, the final film «Hunting and Reindeer Breeding in the Komi Region» is a kind of cinema-text consisting of approximately the same number of film frames and text captions interspersed in the narration. That is why the method of analyzing the film as a visual-text work was its research transcript - presentation in the form of a film text.

Results and Discussion. Based on the archival data and published works of contemporaries, the authors traced the evolution of the film project in connection with parallel processes in the state national-cultural policy and in ethnographic science.

Conclusion. Considering the film in the socio-historical context, the authors conclude the phenomenon of ethnographic film as an effective form of research knowledge, which allows fixing the cultures of what is being filmed and shooting, and broadcast in time not only actual events, but also their so important for anthropological study emotional context; as well as the potential of cinema as an informative historical source.

Key words: ethnographic cinema; visual anthropology; Komi; USSR.

Acknowledgement: This work was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-09-00076, "Traditional Ethnocultural Communities of the North in Ethnographic Cinema".

For citation: Golovnev IA. Traditional ethnocultural communities in Soviet cinema: «Hunting and reindeer breeding in the Komi region». *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2019; 2: 23–31. (In Russian)

REFERENCES

1. Aleksandrov EV. The prehistory of visual anthropology: the first half of the twentieth century. *Etnograficheskoe obozrenie* = Ethnographic review. 2014; 4: 127–140. (In Russian)
2. Babushkin AI. Bolshezemelskaya tundra. Syktyvkar; 1930. (In Russian)
3. Golovnev IA. Archival ethnographic cinema as a historical source. *Vestnik arkhivista* = Herald of an archivist. 2018. 3: 693–703. (In Russian)
4. Golovnev IA. The phenomenon of Soviet ethnographic cinema (the A. A. Litvinov's creativity). Moskva; 2018. (In Russian)
5. Poppe NN, Startsev GA. Finno-Ugric peoples. Leningrad; 1927. (In Russian)
6. Sergel' SI. In Zyryan land. Moskva; 1928. (In Russian)
7. Startsev GA. Komsomol of Komi region. *Komsomol v derevne* = Komsomol in the village. Moskva; 1926. (In Russian)
8. Teryukov AI. The history of the ethnographic study of the Komi peoples. Sankt-Peterburg; 2011. (In Russian)
9. Shneiderov VA. Soviet screen and the peoples of the North. *Osushchestvlenie leninskoi natsional'noi politiki u narodov Krainego Severa* = Implementation of the Lenin's national policy among the peoples of the Far North. Moskva; 1971. (In Russian)
10. Garnder R. The impulse to preserve: reflections of a filmmaker. New York; 2006. (In English)
11. Heider K. Ethnographic film. University of Texas Press; 2006. (In English)
12. MacDougall D. The corporeal image: film, ethnography and the senses. Princeton University Press; 2006. (In English)
13. Rouch J. Cine-ethnography. University of Minnesota Press; 2003. (In English)
14. Ruby J. Picturing culture: exploration of the film and anthropology. University of Chicago Press; 2000. (In English)
15. Sarkisova O. Screening Soviet Nationalities: Kulturfilms from the Far North to Central Asia. New York; 2017. (In English)

Submitted 26.03.2019, published 18.09.2019